

Никто не знал, какой вклад внёс его сын, да он и сам никогда об этом не заговаривал.

Вскоре в Пекине состоялся открытый судебный процесс, на котором государственный обвинитель представил множество неопровержимых доказательств: серия терактов, включая нападение в пакистанском Кундузе, была спланирована, организована и осуществлена под руководством и при личном участии Сайфуллы. Факты были налицо, и Сайфулла вместе с несколькими другими ключевыми фигурами «Революционной армии Священной луны» был приговорён к смертной казни с немедленным исполнением.

Многие родственники жертв приехали в Пекин, чтобы присутствовать на процессе. Слезы стариков, плач жён и детей потрясали до глубины души.

Выступили с показаниями и пострадавшие в результате нападения в Кундузе китайские инженеры, подробно описав, как глубокой ночью на них внезапно напали террористы, открывшие бешеную стрельбу из автоматов.

Государственный обвинитель продемонстрировал кадры с места происшествия, снятые на следующее утро: бесчисленные следы от пуль, лужи крови, повсюду тела погибших, стоны раненых. Картина напоминала преисподнюю.

Сайфулла же сохранял ледяное спокойствие и не проронил ни слова.

СМИ всего мира транслировали ход суда вплоть до момента, когда приговорённых террористов вывели на место казни и расстреляли.

С казнью Сайфуллы «Революционная армия Священной луны» была окончательно уничтожена, что принесло облегчение не только Китаю, но и Пакистану, странам Центральной Азии и России.

Пресса ликовала, наперебой расхваливая операции китайского спецназа по зачистке Золотого Полумесяца, ликвидацию Гусмана и поимку Сайфуллы Министерством госбезопасности. Зарубежные издания также публиковали пространные аналитические материалы, восхищаясь боевыми качествами китайских спецподразделений и загадочными китайскими разведчиками. Китай начал занимать лидирующие позиции на международной антитеррористической арене, и его голос в мировых делах звучал всё весомее.

Лэй Хунфэй, впрочем, мало интересовался внешней шумихой. Все его мысли были заняты Лин Цзыханем. Во время выздоровления он не раз пытался сбежать из госпиталя, но медсёстры несколько раз его ловили, так что в конце концов он угомонился. Когда раны почти зажили, ему разрешили вернуться в часть. Однако, учитывая факт пленения, ему пришлось пройти проверку в политотделе, а затем и обязательную психологическую оценку. Лишь после всех этих процедур командование отпустило его в двухнедельный отпуск для отдыха дома.

В итоге домой он вернулся только в декабре.

Кругом царил праздничная атмосфера: кружился снег, повсюду красовались плакаты с Санта-Клаусами и рождественскими ёлками. Едва въехав в город, Лэй Хунфэй достал телефон, включил его и набрал номер, по которому изнывал от тоски.

К его радости, звонок соединился сразу же.

— Алло, — раздался спокойный голос Лин Цзыханя.

— Цзыхань, ты из путешествия вернулся? — весело спросил Лэй Хунфэй.

— Угу, вернулся, — с улыбкой в голосе ответил тот.

— Тогда я к тебе! — немедленно заявил Лэй Хунфэй.

— Ладно, приезжай, — просто согласился Лин Цзыхань.

Лэй Хунфэй спустился в метро, пересел на городскую электричку, быстро добрался до Хуэйлунгуаня, поймал такси и помчался в район, где жил Лин Цзыхань.

Тот заранее внёс его биометрические данные в систему, так что, как только Лэй Хунфэй нажал на кнопку домофона у подъезда, дверь автоматически открылась. Он выскочил из лифта и напрямик направился к нужной квартире.

Компьютер запросил отпечаток пальца и сканирование сетчатки, после чего дверь бесшумно отъехала в сторону.

В гостиной никого не было. Лэй Хунфэй, стоя в прихожей, сбросил с себя пальто и швырнул его на стул, затем, прислушавшись, ухмыльнулся и рванул на кухню.

В квартире было тепло. Лин Цзыхань, одетый в светло-бежевую шерстяную рубашку и простые брюки, стоял у плиты. Увидев Лэй Хунфэя в строгой армейской форме капитана защитного цвета, с рубашкой цвета хаки и стального оттенка галстуком, он не удержался от улыбки: «Обычно-то ты как оборванец какой, а тут вдруг такой парадный».

— Специально для тебя нарядился, — с гордостью выпалил Лэй Хунфэй. — Ну как? Красавчик? Герой?

Лин Цзыхань рассмеялся, закивав: «Ага, ага, именно».

Лэй Хунфэй, почуяв исходивший от сковороды аппетитный аромат, не смог сдержать слюней: «Не знал даже, что ты так готовить умеешь».

Лин Цзыхань махнул на него рукой: «Да ну, отойди от плиты, не пускай слюни. Я тебе подарок купил, на кровати в спальне лежит. Иди, посмотри».

Лэй Хунфэй с хихиканьем рванул в спальню, скинул форму и переоделся в пижаму, которую всегда здесь оставлял, после чего принялся распаковывать большую коробку.

На следующий год исполнялось сто лет со дня победы в антифашистской войне, и весь мир уже вовсю готовился к празднованиям. На рынок хлынул поток сувенирной продукции, посвящённой Второй мировой. Лин Цзыхань приобрёл для Лэй Хунфэя набор моделей танков — глобальное лимитированное коллекционное издание, произведённое в Германии, где были с поразительной точностью воспроизведены все модели танков военного периода. Упаковка была выдержана в грубоватом армейском стиле.

Лэй Хунфэй растянулся на кровати, разглядывая танк за танком, не в силах оторваться.

Он с детства обожал коллекционировать солдатиков и модели оружия и прекрасно знал цену таким вещам. Этот подарок явно стоил огромных денег, наверное, не меньше пятидесяти тысяч. Раньше Лин Цзыхань говорил, что это его гонорары за статьи, но теперь-то Лэй Хунфэй понимал: эти деньги, скорее всего, были его спецназовскими надбавками, заработанными

ценой риска для жизни.

Задумавшись об этом, он вдруг вскочил и выбежал обратно.

На кухне царил уютная, почти домашняя атмосфера. Лин Цзыхань спокойно снимал крышку с кастрюли, и Лэй Хунфэй вдруг показалось, что всё, что происходило с ними на той далёкой чужой земле, было просто сном, который никогда не существовал в реальности. Все вопросы, которые он собирался задать, мгновенно испарились из головы.

Лин Цзыхань переложил рыбу, тушённую с кислой капустой, в большую пиалу и сказал: «Эй, о чём замечтался? Тащи на стол».

— Есть! — бодро отозвался Лэй Хунфэй и, сияя, понёс блюдо в гостиную, поставив его на низкий столик перед диваном.

Квартира и так была невелика, гостиная — крохотная, и Лин Цзыхань никогда не делил её на зоны. Обычно он ел просто, а если Лэй Хунфэй не навещал, то и вовсе уходил к отцу. Кроме Лэй Хунфэя, гостей здесь почти не бывало, так что он всегда ел прямо на диване, даже обеденного стола не заводил.

Через пару минут Лин Цзыхань вынес уже готовых прозрачных, как хрусталь, креветок и бланшированный салат, бросив на ходу: «Супа налей».

Лэй Хунфэй с радостью припустил на кухню, напевая под нос какую-то песенку, и принялся разливать по пиалам тушёную баранью грудинку с редькой.

Оба они только-только оправились от ран, так что об алкоголе не могло быть и речи. Лин Цзыхань принёс две пиалы риса и сказал: «Наверное, голодный как волк? Давай, ешь».

Лэй Хунфэй наконец устроился на диване поудобнее, схватил палочки и принялся уплетать всё подряд.

Лин Цзыхань с удовольствием наблюдал за его стремительными движениями, сам же ел не торопясь.

— В этот раз куда ездил? — между делом спросил Лэй Хунфэй, набивая рот.

Это была их традиционная фраза при каждой встрече. Лин Цзыхань улыбнулся: «На Таити».

Лэй Хунфэй, зачерпнув палочками красивую креветку, шутливо спросил: «И как? Понравилось?»

— Ещё как, — с той же шутливой интонацией ответил Лин Цзыхань. — Море лазурное, цветы яркие, девушки-богемки горячие.

Лэй Хунфэй замер. Медленно повернув к нему голову, он сквозь зубы процедил: «Девушки?»

Лин Цзыхань беззаботно кивнул, отложил палочки и потянулся за ложкой, чтобы попить супу.

Лэй Хунфэй шлёпнул свою пиалу на столик и набросился на него, прижав к спинке дивана, и сквозь стиснутые зубы прошипел: «Говори, с кем там флиртовал?»

Лин Цзыхань рассмеялся: «Да я уже и не помню. Вроде ни с кем».

Лэй Хунфэй пристально посмотрел на него и потянулся расстёгивать пуговицы на его рубашке.

Лин Цзыхань слегка отстранился, перехватив его руку: «Хунфэй, давай сначала поедим».

Лэй Хунфэй вдруг стал серьёзным и попросил: «Цзыхань, я всё переживал. Дай сначала посмотреть, раны-то совсем зажили?»

Лин Цзыхань отпустил его запястье и тихо сказал: «Все зажили».

Их шрамы можно было полностью удалить, но для этого нужно было время — чтобы полностью восстановились и мышцы, и кожа. Сейчас же раны лишь недавно затянулись, и следы были ещё отчётливо видны.

<http://bllate.org/book/16287/1468165>